

Юрий Михайлик

«Лучший в современном русскоязычном литпоточе пост-одессит из ныне живущих, конечно, Юрий Михайлик», — Олег Борушко, председатель жюри ежегодного Турнира поэтов «Пушкин в Британии». Юрий Михайлик сейчас живет в Австралии. Но для голоса поэта океан — не преграда.

Поэзия, словно космос, пуста,
и сколько стихов ни пиши,
в ней всегда существуют
такие места,
где не было ни души,

где не звенел ни глагол, ни металл,
не скрипели ничьи прохорья,
где даже Пушкин не пролетал,
о прочих не говоря.

Этих широт, этих щедрот
никто не калечил межой.
Хочешь — возделывай свой огород,
хочешь — паши чужой.

И когда ты пятьсот
стишков насвистал
и выложил в интернет,
ты можешь хоть лечь
на свой пьедестал —
никаких соперников нет.

Не бойся, не бейся, бедный поэт,
меж комплексов и обид:
не то что врагов —
собеседников нет
ни на одной из орбит.

А о чем звезда со звездой говорит
в непостижимой дали,
расскажет обугленный метеорит.
Если долетит до Земли.

Из нужного, да из ненужного,
сиротского, в общем, добра
осталась вот эта жемчужина
на тонком кольце серебра.
Как будто бы в шарике матовом
все ходит кругами пурга —
колечко поэта Ахматовой.
— Откуда у вас жемчуга?
Но вспомните, вспомните, умницы,
что где-то под толщей воды
вонзается в тело жемчужницы
песчинка смертельной беды.
Так больно! А плакаться нечего.
И некому — ночь напролет.
Когда еще станет отсвечивать,
а нынче дышать не дает.
Но — жить. Но — терпеть.
Но — оплакивать.
Вдыхать эту память как дым.
Но каждой строкой обволакивать
осколок под сердцем своим.
Еще улыбались и спорили
две горькие складки у рта,
но полно, нырять из моря ли? —
из горя растет красота.
Так с хрустом врезается лезвие,
так створочка хрустнет, туга...
Ах, мать-прамать поэзия,
Откуда у вас жемчуга?
Две черные створки обхватывают
посмертную книжку стихов,
где Анна Андревна Ахматова
на всех запасла жемчугов.

Феликс Кохрихт

Так в народе именуется знаменитый магазин в центре Парижа — роскошный двор на бульваре Лафайет в стиле Арт-Деко. Он воспет в романах Золя, новеллах Мопассана, гравюрах Доре, в куплетах шансонье и в канканах барышень Тулуз-Лотрека...

Однажды я опрометчиво повел туда Таню и стал участником спектакля, в котором принимали участие и неосторожные посетители, и креативные продавцы, и манекены, схожие с нами, и с ними, и с вами.

Мы прошли сквозь облако парфюмов, отби-

лись от красавиц, догонявших Таню и сующих ей в руки разноцветные изделия Картье.

Купили шарфик и тем самым попали в компьютер: я расплачивался карточкой и увидел, что на «К» моя фамилия в ведомости стояла сразу за неизвестным Коганом и знакомым Кеннеди...

Нам дали скидку, и мы еще несколько лет получали из Парижа заманчивые предложения: прибыть на денек и приобрести еще один шарфик той же фирмы, называть которую сегодня, 8 Марта, не стану по нескольким при-

чинам. Во-первых, я тогда не внес его в декларацию о ценных покупках (30 евро — сумма не малая!), во-вторых, не хочу лоббировать фирму, в третьих, забыл, как она называется. Может быть, и Мадам Клико.

Сегодня нашел билетик со скидкой, которая действует вечно.

Дарю его! Но не дамам, а кавалерам, с напутствием:

— И девушки в расцвете лет пошлют вам пламенный привет за скидку в «Галерея Лафайет!» ♦

Олег Губарь

После записи авторской программы Феликса Кохрихта «Диалоги на Нежинской», посвященной презентации книги об истории дома на углу Дерибасовской, 10, милая барышня попросила «продать сюжет о г-не Шухере для экскурсоводов». Я сюжетами не торгую, зато охотно дарю. О.Г.

Шухер — эту забавную фамилию носил присяжный поверенный, то есть адвокат при Одесской судебной палате. Звали его Исаем Ароновичем. Прожил он в доме на Дерибасовской, 10 дольше всех других арендаторов, несколько десятков лет подряд, причем при разных домовладельцах. Шухер несколько анекдотически прославился еще в марте 1876-го.

Тогда в камере мирового судьи разбиралось дело о словесном оскорблении Шухером приобретавшего известность гражданского инженера, архитектора, думца, общественного деятеля М. П. Озмидова, и о его же, Шухера, самоуправстве. Суть дела заключалась вот в чем. Озмидов временно вступил во владение типографией, где печатался «Новороссийский телеграф». Шухер с напарником Леонтовичем

ШУХЕР

пришли описывать имущество по исполнительному листу мирового судьи. Началась перебранка с наборщиком газеты, затем с Озмидовым, слово за слово, шуму было много, Шухер учинил шухер.

Озмидов: Что будет с «Новороссийским телеграфом»?

Шухер: Будет бац! (Проще говоря, конец — О. Г.)

Озмидов: Я хозяин!
Шухер: Вы пришлец. (Проходимец? — О. Г.) Мы вас выгоним. И не хочу с вами больше говорить.

Леонтович — Шухеру: Молодец, брат.

Что там ответствовал Озмидов, неизвестно, но он требовал оштрафовать Шухера на 200 рублей. Мировой судья назначил только 15 рублей, либо три дня ареста при полиции. Оба остались недовольны приговором. Впрочем,

скандал не повредил репутации адвоката, даже напротив, способствовал рекламе. Шухер заслуженно сделал хорошую карьеру, защищал интересы многих горожан.

Словом, Исая Шухер был профессионален, колоритен и популярен. ♦

иллюстрация: Григорий Палатников

Александр Бирштейн

— Ви только посмотрите на этот пациент! — кричала на весь двор районный врач Мара Леонидовна Ястржембская.

Мара Леонидовна работала в поликлинике этого района уже почти сорок лет, поэтому местным языком владела виртуозно.

— Пациент! — пытался исправить общее мнение о себе какой-нибудь дядя Вова, пойманный за рукав.

— Я лучше знаю! — отрезала доктор. — Пациентом будешь, когда сдашь все анализы!

Лечила она виртуозно. Ослушаться ее боялись даже биндюжники Сема и Яня, здоровущие мужики с пудовыми кулаками и бронебойными лбами.

Она, маленькая и толстая, подходила, например, к дяде Яне, который по случаю субботы уже только что съел шкалик и планировал записать вторым, и говорила строго, но печально:

— Ты завтра умрешь!

— Как? — огорчался Яня.

— Алимментарно! Как мадам Баренбухер в прошлый год, — невозмутимо отвечала Мара Леонидовна, — сегодня ляжешь, а завтра не встанешь...

— Почему? За что? — лепетал несчастный Яня.

— Потамушта свой норма не знаешь!

— Я же только шкалик...

— А в обед на работа? — заглядывала ему в глаза Мара Леонидовна.

Яня стыдливо опускал голову и начинал шаркать ножкой сорок восьмого размера.

— Так я тогда не буду...

— Дай! — говорила доктор и протягивала руку. Яня покорно отдавал ей шкалик и с надеждой спрашивал:

— Ну, как?

МАРА ЛЕОНИДОВНА

Мара Леонидовна лезла в сумку, доставала бутербродик, завернутый в газету и протягивала ему.

— Ешь! Водка надо закусывать!

— Та я ел! — врал Яня.

— То было вчера, — отмахивалась доктор. И Яня покорно ел, заглядывая ей в глаза:

— А теперь?

Она доставала записную книжку, что-то смотрела там, водя пальцем по записям, а потом разрешала.

— Живи, пока. До вторник. А там я посмотрю!

И счастливый Яня уходил. До вторника еще много времени и много работы.

Ястржембская, не считаясь с листом вызовов, ходила по квартирам. Квартиры были разные. В иных ей и деньги совали — рубль-два. Она брала. Впрочем, это богатство тут же оставляла в квартирах других, прикладывая деньги к выписанному рецепту.

Закончив обход, Мара Леонидовна шла пить чай к мадам Гоменбашен. О, это были самые счастливые минуты для обеих. Никто и никогда не смел нарушить их общение. Бывало, конечно, что какой-то невежа, из приезжих, конечно, влетал во двор с диким воплем:

— Где Мара Леонидовна? Мне сказали, что она тут!

Ему пока вежливо объясняли, что доктор пьет чай у мадам Гоменбашен и тревожить ее нельзя. Обычно этого бывало достаточно. Но не всегда. Тогда крикуна спрашивали:

— Кто-то умирает?

— Нет, но...

— Никаких но! — отвечали ему.

Несколько раз было, что человек начинал спорить. Залупаться, как говорили грамотные люди. Тогда кто-то, например, тот же Яня или

Никита, брали его одной рукой за ворот, а другой за штаны, там, где попа, и вели к воротам.

— Тут почечай! — говорили этому бестактному человеку и выбрасывали на улицу.

А врачаха и мадам, не ведая, что во дворе, мирно пили чай, обмениваясь кулинарными рецептами.

— Ты, Мара, мене не лечи, — укоряла мадам Гоменбашен, — в форшмак, если ты хочешь иметь настоящий форшмак, надо положить антоновка!

— А семеринка уже форшмаку не подходит? — ехидничала Мара Леонидовна.

— Не морочь голова, — отмахивалась мадам Гоменбашен, — ты профессор там, за окном, а тут сиди тихо и учись, пока я жива!

И Мара Леонидовна таки училась. И приносила плоды своего ученичества, как на зачет или экзамен. И волновалась, ожидая приговора. И в то же время, цепко, но украдкой, оглядывала мадам, задерживая ее руку в своей и определяя пульс.

Советы врача мадам Гоменбашен встречала шумными протестами, но исполняла неукоснительно.

Через какое-то время Мара Леонидовна, тяжело вздохнув, поднималась и шла лечить в другие дворы, где имелись свои Яни и Сени, но не было и не могло быть другой мадам Гоменбашен.

— Штучный товар! — думала о подруге Мара Леонидовна.

— Штучный товар! — думала о ней мадам Гоменбашен.

Странно, но старухи, всегда и во всем не согласные друг с другом, думали практически одинаково.

Хотя... Что тут странного? ♦